

Корчак Елена Анатольевнакандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник Кольского научного
центра Российской академии наук**Korchak Elena Anatolyevna**PhD in Economics, Associate Professor,
Senior Research Fellow, Kola Science Center of
the Russian Academy of Sciences**Скуфьина Татьяна Петровна**доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Кольского научного
центра Российской академии наук**Skufyina Tatyana Petrovna**D.Phil. in Economics, Professor,
Chief Research Fellow, Kola Science Center of
the Russian Academy of Sciences**ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР
САМОРАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ
И МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ [1]****LABOR POTENTIAL
AS A SOCIAL FACTOR
IN THE SELF-DEVELOPMENT OF
REGIONS AND LOCAL COMMUNITIES
OF THE RUSSIAN ARCTIC [1]****Аннотация:**

Статья посвящена решению научно-практической проблемы современного этапа общественного развития – определению источников и направлений активизации процессов саморазвития территориальных социально-экономических систем Арктической зоны России. Теоретическая и методологическая составляющие основаны на трудах отечественных и зарубежных ученых и практиков в области теорий регионального развития, институционализма, социального, государственного и муниципального управления, концепции устойчивого сбалансированного территориального развития. К результатам исследования относится разработка теоретических основ управления социальными факторами саморазвития регионов и местных сообществ Арктической зоны РФ. Научная новизна состоит в подготовке концепции саморазвития в части разработки теоретических основ управления социальными факторами саморазвития арктических регионов и местных сообществ. Практическая значимость итогов исследования заключается в их прикладном значении для создания стратегий развития территорий и местных сообществ Арктической зоны РФ.

Ключевые слова:

Арктическая зона РФ, устойчивое сбалансированное развитие, трудовой потенциал, местное сообщество, социальный фактор, территориальные социально-экономические системы, саморазвитие, регион.

Summary:

The study is to solve the scientific and practical problem of the modern social development, i.e. identify sources and priorities for revitalizing the self-developing processes of the territorial social and economic systems in the Russian Arctic. The theoretical and methodological components are based on the works of Russian and international academics and experts in the theories of regional development, institutionalism, social management, public and municipal governance and the concept of sustainable balanced territorial development. The research findings include the development of theoretical bases for managing the social factors in the self-development of the regions and local communities in the Russian Arctic. The scientific novelty is determined by the creation of the self-developing concept with respect to the establishment of theoretical bases for managing the social factors in the self-development of the Arctic regions and local communities. The results of the study can be applied when devising the development strategies for areas and local communities of the Russian Arctic.

Keywords:

Russian Arctic, sustainable balanced development, labor potential, local community, social factor, territorial social and economic systems, self-development, region.

В соответствии с современными (2017 г.) Основами государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. [2], устойчивое сбалансированное развитие региональных и муниципальных территориальных социально-экономических систем составляет базис государственной политики регионального развития. Целями такой политики являются реализация конституционных прав граждан, повышение качества жизни населения, обеспечение устойчивого экономического роста, территориальное научное и технологическое развитие, увеличение конкурентоспособности территориальных экономик. Актуальный вектор государственной политики в данной области выражен арктическим направлением и состоит в системном освоении арктических территорий для решения геополитических, экономических и социальных задач государства на основе обеспечения стабильного прогресса арктических регионов и местных сообществ [3, с. 4].

Стратегическое значение Арктической зоны России определяется сосредоточением значительных углеводородных ресурсов, образующих основу развития морской нефтегазодобычи и резерв развития национального топливно-энергетического комплекса, стратегических запасов полезных ископаемых. В экономике данной области ведущие позиции занимают нефтегазовый (северная

часть Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции в Ненецком автономном округе, Ямало-Ненецкий автономный округ) и горнопромышленный (Мурманская область и промышленные зоны Чукотского автономного округа, арктические территории Республики Карелия, территория муниципального образования городского округа Воркута) комплексы; значительны базы сырьевых ресурсов арктических территорий Архангельской области, Республики Саха (Якутия) и Красноярского края.

Стратегическое значение Арктической зоны России связано с обеспечением национальной безопасности страны. Дислоцирование на арктических территориях сил и средств Военно-морского флота спродуцировало появление в системе расселения арктического макрорегиона закрытых административно-территориальных образований – играющих роль градообразующих предприятий военно-морских баз.

Особое место в общей системе расселения рассматриваемого макрорегиона занимают монопрофильные поселения. Подобный характер функциональной специфики Мурманской области определяется металлургической промышленностью и связанными с ней добывающими производствами (АО «Апатит», АО «Ковдорский ГОК», ООО «Ловозерский ГОК», АО «Кольская ГМК», АО «Олкон»). Монопрофильность экономики Ненецкого автономного округа обусловлена развитием нефтедобывающей отрасли (АО «Роснефть», ООО «Лукойл-Коми», ООО «Компания "Полярное Сияние"», АО «Тоталь Разведка Разработка Россия», ООО «Нарьян-Марнефтегаз»). Основу экономики Ямало-Ненецкого автономного округа составляет добыча нефти и газа (ОО «Ямбурггаздобыча», ООО «Газпром добыча», ООО «Новатэк-Таркосаленфтегаз» – дочернее общество АО «Новатэк», АО «Геойлбент», АО НК «Таркосаленфтегаз», ООО «Юрхаровнефтегаз»). Экономическая специализация Чукотского автономного округа связана с золотодобывающей отраслью (ОО «Чукотская горно-геологическая компания», ООО «Золоторудная компания "Майское"», артели старателей «Полярная», «Чукотка» и «Шахтер»).

«Специфичность» человеческого потенциала арктического макрорегиона составляет его этническая особенность – жизнедеятельность коренных малочисленных народов Севера (саами, коми-ижемцев, поморов, чукчей, ненцев, эвенов, селькупов, юкагиров и др.). Доля коренных жителей Севера в общей численности населения Российской Арктики достигает 5 %. Особое влияние на малые этносы в данном случае оказывает промышленная специализация местности: активное освоение территорий и связанное с ним развитие транспортных коммуникаций и объектов соответствующей инфраструктуры приводят к вмешательству в традиционный уклад их жизнедеятельности, сужая область природопользования и негативным образом влияя на экологическую ситуацию.

Ключевую роль в обеспечении устойчивого сбалансированного развития арктического макрорегиона России играет ее научный потенциал (Кольский научный центр Российской академии наук, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаврова Российской академии наук, Научный центр изучения Арктики Ямало-Ненецкого автономного округа, Чукотский филиал ФГУП «Тинро-Центр», Сектор комплексного исследования Чукотки Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук).

Анализ социальных процессов в регионах и местных сообществах Арктической зоны России [4] свидетельствует о комплексе проблем территориального социального развития в разных сферах: медико-демографической (высокий уровень смертности населения и ее гендерной дифференциации, миграционная убыль, депопуляция коренных малочисленных народов Севера, низкая степень ожидаемой продолжительности жизни мужчин), социально-трудовых отношений (высокий уровень территориальной дифференциации безработицы и скрытой сельской безработицы, ограниченные возможности трудоустройства местных жителей, значительная степень дифференциации оплаты труда, феномен экономической бедности), благосостояния (высокий уровень неравенства, бедность населения, высокая степень бедности домохозяйств с детьми и детской бедности, критическое состояние объектов жилищно-коммунального хозяйства, недоброкачественное питьевое водоснабжение и низкий уровень благоустройства жилищного фонда). Так, в 2002–2016 гг. численность населения Арктической зоны РФ снизилась на 7,2 %, общий уровень заболеваемости составил 1 024,4 случая на 1 000 чел. при общероссийском показателе в 785,3. Уровень безработицы в 2016 г. здесь достиг 6,7 %, доля квалифицированных работников в структуре безработных граждан – 65,1 %. В 2016 г. степень экономической бедности в среднем по арктическим регионам составила 3,1 %, доля малоимущего населения – 10,6 %, доля домохозяйств с детьми в структуре малоимущих домохозяйств – 81,3 %, уровень детской бедности – 20,0 %.

В силу данных обстоятельств устойчивое сбалансированное развитие арктических регионов и местных сообществ как процесс территориального развития, определяемый государственной долгосрочной социально-экономической политикой, формируемой на основе системного взаимодействия органов власти и местного самоуправления, бизнеса и населения, должно осуществляться согласно следующим базисным принципам:

– принцип социально ориентированного природопользования базируется на эффективном взаимодействии крупных добывающих промышленных предприятий с местным сообществом посредством социального лицензирования их деятельности и подразумевает ориентацию освоения

природных ресурсов на территории присутствия компаний на их социальную значимость – развитие объектов социальной инфраструктуры, повышение бытовой привлекательности территории, обеспечение максимальной занятости местного сообщества, участие в формировании процесса непрерывного образования и т. п.;

– принцип сохранения человеческого потенциала подразумевает формирование с учетом арктической специфики высоких стандартов благосостояния населения и максимальную реализацию социальных прав граждан в сферах здравоохранения, образования, культуры, искусства, в социально-трудовой и жилищной областях и т. п.;

– принцип саморазвития связан с оптимизацией внутренних факторов, источников и ресурсов территориального социально-экономического развития и обеспечением расширенного воспроизводства валового внутреннего продукта в интересах реализации собственных системных целевых установок и в конечном счете – общенациональных интересов и приоритетов [5, с. 11–13].

Целью саморазвития как процесса формирования территориальных социально-экономических систем на базе концентрации и оптимизации определяющих конкурентоспособность регионов и местных сообществ Арктической зоны России территориальных ресурсов (материальных, сырьевых, финансовых, трудовых) является устойчивое сбалансированное развитие [6, с. 64]. Основным внутренним фактором саморазвития регионов и местных сообществ выступает трудовой потенциал.

Категория «трудовой потенциал» получила широкое применение в 80-е гг. прошлого века в СССР. В научной литературе того времени сформировались ресурсный и факторный подходы к ее исследованию. В рамках первого трудовой потенциал трактовался как общественные ресурсы труда территориальных социально-экономических систем (рассматриваемые в аспекте единства качественных и количественных характеристик национальные (региональные) трудовые ресурсы); определяемые численностью и качествами трудоспособного населения общественные трудовые ресурсы [7, с. 9]; совокупность состоящих из множества взаимосвязанных элементов ресурсов труда [8, с. 262] (В.В. Адамчук, И.С. Волохин, Л.С. Дегтярь, В.Г. Костаков, А.С. Панкратов, А.А. Попов, О.В. Ромашов, Е.С. Русанов, Г.П. Сергеева, М.Е. Сорокина, Л.С. Чижова и др.). Приверженцы второго подхода исходили из понимания трудового потенциала как человеческого фактора, активного субъекта производства: часть потенциала человека [9, с. 122]; совокупность физических и духовных способностей работника достигать определенных результатов производственной деятельности [10, с. 34]; экономическая форма личного фактора производства [11, с. 41] (К.Л. Андреев, И.Ю. Баландин, В.Б. Бычин, Б.М. Генкин, М.И. Гольдин, А.Я. Кибанов, Р.П. Колосова, И.С. Маслова, Ю.В. Одегов, М.И. Скаржинский, А.И. Тяжов и др.).

Современные концептуальные основы исследования трудового потенциала в России развиваются с точки зрения экономического и социального подходов. В рамках первого трудовой потенциал анализируется как экономическая категория, определяющая продуктивность человека на рынке труда с позиции капитального ресурса; категория, отражающая возможное количество и качество труда на определенном этапе научно-технического прогресса [12, с. 143–144]; ключевая составляющая ресурсной базы региона. На наш взгляд, подобная концепция коррелирует с теорией человеческого капитала, которая с конца XX в. в зарубежных научных исследованиях охватила весь жизненный цикл «экономического человека», включая инвестиционные аспекты поведения на рынках труда, распределение доходов, возрастную динамику заработной платы, причины трудовой мобильности и миграции (Й. Бен-Порэт, Дж. Кендрик, Ф. Махлуп, Л. Туроу, П. Хэйне, С. Фишер, Э. Тоффлер, Я. Фитц-енц и др.). В постсоветской России также проявился интерес к данной доктрине (М.М. Критский, А.И. Добрынин): в качестве долговременного капитального ресурса в процессе общественного развития исследовалась «всеобщая форма жизнедеятельности, формируемая посредством инвестирования» – человеческий капитал [13, с. 72]. Таким образом, теория человеческого капитала синтезировала понятия «рабочая сила», «производительность», «квалификация», «инвестиции», «экономическая продуктивность», определив со стороны экономики предприятия (отрасли) в качестве объекта анализа человеческий капитал как создаваемый профессиональным образованием производственный фактор.

По нашему мнению, рабочую силу общества составляет лишь часть населения, имеющая возможности к осуществлению трудовой деятельности (человек становится субъектом труда посредством инвестирования в дошкольное воспитание, школьное образование, профессиональное обучение, здоровье), поэтому в данном случае необходимо говорить о трудовом капитале как рабочей силе соответствующей квалификации, формируемой на основе инвестиций в целях повышения производительности и экономической продуктивности. В свою очередь к исследованию трудового потенциала нужно подходить с позиций человеческого измерения. Синтезированная идея авторов, придерживающихся данной теории (Т.Н. Заславской, О.И. Иванова, Н.М. Римашевской, И.Г. Саксельцева, И.В. Соболевой), состоит в том, что человеческий потенциал (носителем которого выступает социум) является базой формирования трудового потенциала. В рамках этой концепции применяется второй, социальный, подход к изучению трудового потенциала как социальной категории, чью основу составляют следующие элементы:

– «непрерывно формирующиеся способности человека к трудовой деятельности, обеспечивающие эффективность его воспроизводственной деятельности» [14, с. 15];

– «совокупность возможностей и способностей обладающего соответствующими количественными и качественными характеристиками населения заниматься трудовой деятельностью в условиях сложившейся системы социально-экономических отношений» [15, с. 9];

– «совокупность социально-экономических и демографических характеристик, профессиональных качеств трудоспособного населения в условиях достигнутого уровня системы производственных отношений» [16, с. 10].

С позиций социального подхода исследуются трудовой потенциал индивида как «способности человека к труду» и территории как «системообразующий фактор территориальных социально-экономических систем» (обладающих специфическими особенностями регионов и местных сообществ). Таким образом, при трактовке трудового потенциала как социального фактора саморазвития регионов и местных сообществ Арктической зоны России мы исходим из понимания трудового потенциала как социального фактора развития территориальных социально-экономических систем, выражаемого в способности к экономической деятельности и определяемого обусловленными территориальной спецификой количественными и качественными параметрами. В систему количественных характеристик трудового потенциала как социального фактора входят показатели, отвечающие за сферу социально-трудовых отношений, качественных – индикаторы (устойчивого развития), фиксирующие реальное выражение человеческого потенциала как основы формирования трудового потенциала.

К специфическим особенностям, влияющим на количественные и качественные характеристики трудового потенциала регионов и местных сообществ Арктической зоны России, относятся очаговость расселения, высокая степень урбанизированности, неравномерность обеспеченности энергоресурсами, дефицит отдельных видов продукции, ограниченные возможности ведения сельского и приусадебного хозяйства, неконкурентоспособность и нерентабельность традиционных производств коренных малочисленных народов Севера, коммуникационная разобщенность, неравномерное развитие транспортной инфраструктуры, кризисная экологическая ситуация, экстремальные природно-климатические условия. В частности, трудовая деятельность в Арктике требует особого подхода в силу климатической напряженности, создающей дискомфорт для жизнедеятельности. Интенсивность воздействия природных условий продуцирует перенапряжение адаптационных свойств организма человека, дополнительные стрессовые ситуации, холодовую дискомфортность, специфические северные заболевания, старение организма и влияет на адаптационные стратегии населения трудоспособного возраста.

Сложившаяся система расселения и минимальная транспортная связанность населенных пунктов арктических регионов продуцируют высокий уровень территориальной дифференциации безработицы, достигающей в Ненецком автономном округе 14,5 раза, Мурманской области – 11,0, Чукотском автономном округе – 11,5 раза. Функциональная специфика арктических поселений обусловила значительные разрывы в уровне жизни: самые высокие зарплаты зарегистрированы в сфере добычи полезных ископаемых, низкие – в сельском и лесном хозяйстве, бюджетных отраслях. Например, в Ямало-Ненецком автономном округе среднемесячная заработная плата в области добычи топливно-энергетических ресурсов составляет 7,40 величины прожиточного минимума трудоспособного населения в 2016 г., в рыболовстве – 1,56. В Мурманской области в территориальном разрезе максимальные заработки отмечаются в монопрофильных городах Полярные Зори и Кировск (5,69 и 4,44 раза соответственно), наименьшие – в сельских районах (в Ловозерском в 2016 г. отношение среднемесячной заработной платы к прожиточному минимуму для трудоспособного населения составило 2,63 раза).

Среди особенностей уровня жизни регионов и местных сообществ Арктической зоны России, оказывающих влияние на качественные характеристики трудового потенциала, следует выделить долю расходов на питание в структуре потребительских расходов. Так, в Ненецком автономном округе для структуры потребления основных продуктов питания характерны небольшой объем фруктов и ягод (в среднем 49 кг в год на человека при общероссийских 71 кг), овощей (64,1 и 99,5 соответственно), мяса и мясных продуктов (65,4 и 84,9 кг). Пищевая ценность продуктов в округе составляет 2 292,4 килокалории (2 375,8 – в Мурманской области, 2 486,5 – Чукотском автономном округе, 2 582,5 – в среднем по России). Только у 12,3 % домашних хозяйств региона доля расходов на покупку продуктов питания в структуре потребительских расходов составляет менее 20,0 %. Напротив, в Ямало-Ненецком автономном округе наблюдается относительно низкая доля таких затрат (31,1 % домохозяйств направляют на покупку продуктов питания не больше 20,0 % расходов).

Несомненно, на наш взгляд, стратегическую цель реализации арктического вектора государственной политики регионального развития РФ составляет совершенствование взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, бизнеса и населения, ориентированного на саморазвитие арктических регионов и местных сообществ. Исследование трудового потенциала

как фактора такого саморазвития для Арктической зоны России имеет большое практическое значение при разработке нормативных правовых документов, регулирующих социально-экономическое развитие Арктики. Особая актуальность данного аспекта определяется тем, что сегодня рассматриваемые территории обладают существенным трудовым потенциалом, однако сложившаяся ситуация на региональных и локальных рынках труда свидетельствует о низкой степени эффективности его использования. Таким образом, стратегическое значение арктических территорий в рамках реализации национальных интересов России в Арктике обуславливает необходимость разработки научных рекомендаций по повышению качества и эффективности применения трудового потенциала как одного из ключевых внутренних факторов саморазвития регионов и местных сообществ Арктической зоны РФ с учетом специфических территориальных особенностей.

Ссылки и примечания:

1. Публикация базируется на результатах научно-исследовательской работы «Социальные аспекты управления саморазвитием регионов и местных сообществ в российской Арктике» (№ 0234-2018-0003).
2. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : указ президента РФ от 16 янв. 2017 г. № 13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Татаркин А.И., Захарчук Е.А., Логинов В.Г. Современная парадигма освоения и развития Арктической зоны Российской Федерации // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2 (18). С. 4–13.
4. Social Sustainability in Northern Mining Communities: A Study of the European North and Northwest Russia / L. Suopajärvi, G.A. Poelzer, Th. Ejdemo, E. Klyuchnikova, E. Korchak, V. Nygaard // Resources Policy. 2016. Vol. 47. P. 61–68. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2015.11.004>.
5. Татаркин А.И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного устройства России // Экономика региона. 2013. № 4. С. 9–26.
6. Игнатьева Е.Д., Мариев О.С., Ширманова А.Е. Методология анализа потенциала саморазвития региональных социально-экономических систем // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 3 (184). С. 64–68.
7. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. Вологда, 2004.
8. Сергиевич Т.В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования // Экономическая наука сегодня. 2017. № 5. С. 260–275.
9. Генкин Б.М. Человек и его потребности. М., 2013.
10. Дроздова Е.М. Подходы к определению оценке трудового потенциала // Дискуссия. 2012. № 5 (23). С. 34–37.
11. Мешечкина Р.П. Теоретические подходы к исследованию понятия трудового потенциала как экономической категории // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2013. № 1. С. 40–44.
12. Зайцева А.Н. Развитие трудового потенциала в условиях трансформационной экономики // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 4. С. 140–144.
13. Грузков И.В., Грузков В.Н. Воспроизводство человеческого капитала: философско-экономический анализ. Ставрополь, 2010.
14. Трудовой потенциал ... С. 15.
15. Мост С.А. Управление трудовым потенциалом региона с учетом демографических ограничений на рынке труда : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2010. 22 с.
16. Аверков А.В. Формирование трудового потенциала на Дальнем Востоке России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 25 с.

References:

- Averkov, AV 2010, *Labor Potential Development in the Russian Far East*, PhD thesis abstract, Moscow, 25 p., (in Russian).
- Drozдова, EM 2012, 'Approaches to Defining and Assessment of Labor Potential', *Diskussiya*, no. 5(23), pp. 34-37, (in Russian).
- Genkin, BM 2013, *Man and His Needs*, Moscow, (in Russian).
- Gruzkov, IV & Gruzkov, VN 2010, *Reproduction of Human Capital: a Philosophical and Economic Analysis*, Stavropol, (in Russian).
- Ignatyeva, ED, Mariev, OS & Shirmanova, AE 2010, 'Methods for Analyzing the Self-Developing Potential of the Regional Social and Economic Systems', *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3(184), pp. 64-68, (in Russian).
- Ilyin, VA, Gulin, KA, Leonidova, GV & Davydova, VV 2004, *The Labor Potential of the Region: State and Development*, Vologda, p. 15, (in Russian).
- Meshchekina, RP 2013, 'Theoretical Approaches to Studying the Concept of Labor Potential as an Economic Category', *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*, no. 1, pp. 40-44, (in Russian).
- Most, SA 2010, *Managing the Labor Potential of the Region from the Perspective of the Demographic Constraints on the Labor Market*, PhD thesis abstract, Samara, 22 p., (in Russian).
- Sergievich, TV 2017, 'Labor Potential and Labor Management in the Textile and Clothing Industry as a Focus of Economic Research', *Ekonomicheskaya nauka segodnya*, no. 5, pp. 260-275, (in Russian).
- Suopajärvi, L, Poelzer, GA, Ejdemo, Th, Klyuchnikova, E, Korchak, E & Nygaard, V 2016, 'Social Sustainability in Northern Mining Communities: A Study of the European North and Northwest Russia', *Resources Policy*, vol. 47, pp. 61-68. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2015.11.004>.
- Tatarkin, AI 2013, 'Self-Development of the Territorial Social and Economic Systems as a Need for Federal Arrangement of Russia', *Ekonomika regiona*, no. 4, pp. 9-26, (in Russian).
- Tatarkin, AI, Zakharchuk, EA & Loginov, VG 2015, 'The Modern Development Paradigm of the Arctic Russia', *Arktika: ekologiya i ekonomika*, no. 2(18), pp. 4-13, (in Russian).
- Zaytseva, AN 2008, 'Labor Potential Development in the Context of Transformational Economy', *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 140-144, (in Russian).